

В.В. Крестовский

Петербургския трущобы

Том 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К80

К80 **Крестовский В.В.**
Петербургския трущобы: Том 1-2 / В.В. Крестовский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 880 с.

ISBN 978-5-518-08855-9

ISBN 978-5-518-08855-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ АВТОРА КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Прежде чѣмъ читатель раскроетъ первую страницу предлагаемаго романа, я нахожу не лишнимъ сказать ему нѣсколько словъ.

Когда еще до появленія въ «Отечественныхъ Запискахъ» первой части моего романа, которая сама по себѣ составляетъ какъ бы введеніе, прологъ къ нему, я читалъ ее нѣкоторымъ друзьямъ и знакомымъ—мнѣ приходилось неоднократно выслушивать вопросъ: да неужели все это такъ, все это правда?

Вопросъ относился предпочтительно къ темному міру трудовъ. Весьма можетъ статься, что онъ же придетъ въ голову и незнакомому съ дѣломъ читателю. Поэтому позвольте мнѣ рассказать, какимъ образомъ пришла мнѣ первая мысль настоящаго романа, что натолкнуло на нее и что побудило меня приняться за мой трудъ. Въ этомъ будетъ заключаться маленькая исторія романа и отвѣтъ на вопросъ: точно ли это правда?

Идея предлагаемаго романа давно уже сдѣлалась самой любимой, самой задушевной моей идеей. Первая мысль ея явилась у меня въ 1858 году. Натолкнулъ меня на нее случай.

Часу въ двѣнадцатомъ вечера, я вышелъ отъ одного знакомаго, обитавшаго около Сѣнной. Путь лежалъ мимо Тваровскаго переулка; можно бы было безо всякаго ущерба и обойти его, но мнѣ захотѣлось поглядѣть, что это за переулокъ, о которомъ я иногда слышалъ, но самъ никогда не бывалъ и не видалъ, ибо ни проходить, ни провзжать по немъ не случалось. Отправился. Первое, что поразило меня, это—кучка народа; изъ середины которой слышались крики женщины. Ражій мужчина, повидимому отставной солдатъ, билъ полупьяную женщину. Зрители поощряли его хохотомъ. Полицейскій на углу пребывалъ въ олимпійскомъ спокойствіи.

«Подерутся и перестанутъ—не въ первой!»! отвѣчалъ онъ мнѣ, когда я обратилъ его вниманіе на безобразно возмутительную сцену.—«Господи! нашу дѣвушку бьютъ!»! прокричала шмыгнувшая мимо оборванная женщина, и юрнула въ одну изъ дверокъ подвального этажа. Черезъ минуту выбѣжали оттуда шесть или семь такихъ же женщинъ и общимъ своимъ крикомъ, общими усиліями отратовали товарку. Все это показалось мнѣ дико и ново. Что это за жизнь, что за нравы, какія это женщины, какіе это люди? Я рѣшился переступить порогъ того гнилого, безобразнаго пріюта, гдѣ прозябали въ чисто-животномъ состояніи эти жалкія, всѣми обиженныя, всѣми отверженныя созданія. Тамъ шла отвратительная оргія. Вырученная своими товарками, окровавленная женщина съ востомъ металась по низенькой, тѣсной комнатѣ, наполненной людьми, плакала и произносила самыя дичіи ругательства, мѣшая ихъ порою съ французскими словами и фразами. Это обстоятельство меня заинтересовало. «Она русская?» спросилъ я одну женщину. — «А чортъ ее знаетъ, надо быть русская. Какъ попала сюда, какъ дошла до такого состоянія эта женщина? Очевидно, у нея было свое лучшее прошлое, иная сфера, иная жизнь. Что же за причина, которая наконецъ, довела ее до этого послѣдняго изъ послѣднихъ пріютовъ? Какъ хотите, но вѣдь ни съ того ни съ сего человекъ не доходитъ до такого моральнаго паденія. Мнѣ стало жутко, больно и гадко, до болѣзненности гадко отъ всего, что я увидѣлъ и услышалъ въ эти пять—десять минутъ. Я думалъ, что это уже послѣдняя грань петербургской мерзости и разврата — и я ошибся. Это былъ одинъ только легонькій мотивецъ, одинъ только уголокъ той громадной картины, о которой я тогда не имѣлъ еще ни малѣйшаго понятія, съ которой познакомился поближе и покороче только впоследствии, ибо картина эта прячется отъ оффиціальной, показной жизни нашего города, и вообразить ее трудно, почти невозможно безъ нагляднаго, непосредственнаго знакомства съ нею лицомъ къ лицу.

Оставаться долѣе въ этомъ пріютѣ у меня не хватило

силы: кромѣ нравственнаго, гнетущаго чувства, начинало мутить физически. Я уже направился къ двери, какъ вдругъ двѣ кутившія личности мужескаго пола и весьма подозрительной наружности замѣтили синій околышъ моей фуражки и мое студентское пальто. Одинъ изъ нихъ безъ всякой церемоніи подошелъ ко мнѣ. — «Слышите, студентъ, есть у васъ деньги?» — «Есть. А что?» — «Дайте мнѣ взаймы — сколько есть; у насъ не хватило, а выпить хочется». Я понялъ, что тутъ ничего не подѣлаешь, вынулъ бумажникъ, въ которомъ на тотъ разъ находилось только два рубля серебромъ, и отдалъ ихъ подозрительному господину. Подозрительный господинъ поблагодарилъ и предложилъ выжить съ ними вмѣстѣ. Я попытался-было отказать. — «Что же вы, брезгусте, что-ли?» обидѣлся онъ. После этого, конечно, надо было остаться; и вотъ за стаканомъ скверной водки я узналъ мимоходомъ, урывками, кое-что изъ жизни побитой женщины и ея товаровъ; но черезъ эти урывки для меня скользнула цѣлая драма — такая драма, въ которой «за человѣка страшно» становится.

Да, милостивые государи, живемъ мы съ вами въ Петербургѣ долго, коренными петербуржцами считаемся. и часто случалось намъ проѣзжать по Синей площади и ея окрестностямъ, мимо тѣхъ самыхъ трущобъ и вертеповъ, гдѣ гниетъ падшій людъ, а и въ голову вѣдь, пожалуй, ни разу не пришелъ намъ вопросъ: что творится и дѣется за этими огромными каменными стѣнами? Какая жизнь коловращается въ этихъ грязныхъ чердакахъ и подвалахъ? Отчего эти голодъ и холодъ, эта нищета развѣдающая, въ самомъ центрѣ промышленнаго, богатаго и элегантнаго города, рядомъ съ палатами и самодовольно сытыми фэзіономіями? Какъ доходятъ люди до этого позора, порока, разврата и преступленія? Какъ они нисходятъ на степень живогнаго, скота, до притупленія всего человѣческаго, всѣхъ не только нравственныхъ чувствъ, но даже иногда физическихъ ощущеній страданія и боли? Отчего все это такъ совершается? Какія причины приводятъ человѣка къ такой жизни? Самъ ли онъ, или другое что виной всего этого? Обвинить легко, очень легко — гораздо легче

чѣмъ вдуматься и винкнуть въ причину вины, розыскать предшествовавшія «подготовительныя и предрасполагающія» обстоятельства. Но вотъ въ томъ-то и вопросъ: какъ взглянуть на падшаго человѣка: одинъ ли опъ, самъ по себѣ, виновать и причинецъ въ своемъ безобразіи и несчастіи? А если не одинъ, то виновать ли еще, наконецъ, при его невѣжественности относительно самыхъ первичныхъ нравственныхъ основаній, при его грубой неразвитости, при той ужасающей насъ обстановкѣ, которою онъ окруженъ безъисходно, часто съ первой минуты своего рожденія на свѣтъ? Если же все это такъ, то не тяготѣетъ ли часть этой вины на каждомъ изъ насъ, на всемъ обществѣ нашемъ, столь щедромъ на филантропическіе вогласы, обѣды и теоріи.

«Es ist eine alte Geschichte» всѣ эти вопросы, которые я предложилъ: не я ихъ выдумалъ и не я первый повторяю ихъ. Да, «es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu», быть можетъ, для много читателя, которому и въ голову они не приходили. А у насъ таковыхъ — надо сознаться — не занимать-стать пока.

Въ тотъ достопамятный — лично для меня — вечеръ, когда я впервые случайно попалъ въ одну изъ трущобъ, вопросы эти и мнѣ пришли въ голову. Та невидимая драма, которая освѣтилась для меня — частью по услышаннымъ и подхваченнымъ палету урывкамъ, частью же по собственной догадкѣ и соображеніямъ — неволью какъ-то сама собою натолкнула меня, вмѣстѣ съ выпензложенными вопросами, на мысль романа.

И тогда же принялся за писанье и окрестилъ свое произведение *Содержанкой*. Принялся я за работу съ жаромъ, исписалъ цѣлую толстую тетрадь, но... ничего изъ этого путнаго не вышло. Задача оказалась слишкомъ велика и широка для той рамки, которая была первоначально избрана мною. При томъ, я спасовалъ передъ дѣйствительностью: я не зналъ, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о той жизни, за изображеніе которой такъ опрометчиво взялся — подготовки у меня не было никакой, отношеніе слишкомъ диалектантическое — и я бросилъ свою работу, не покидая, однако, мысли объ этомъ романѣ.

Мнѣ эта мысль уже представлялась въ видѣ общаго физиологическаго очерка не однихъ только трущобъ и вертеповъ, но петербургской жизни вообще. Я принялся за изученіе этой жизни и ея типовъ, съ тѣхъ сторонъ, которыя оказывались пригодными, подходящими для моей идеи. Черезъ нѣсколько лѣтъ исподвольныхъ наблюдений, я увидѣлъ ясно, что трущобы кроются не исключительно около Сѣв.ной, что онѣ весьма многообразны, и поэтому далъ своему роману его настоящее названіе.

Многимъ изъ читателей многое, быть можетъ, покажется въ немъ страннымъ, преувеличеннымъ и даже невѣроятнымъ; но это оттого, что мы не привыкли еще къ гласному, публичному обсужденію такого рода фактовъ и обстоятельствъ. Открытыя судебныя камеры незамедлятъ познакомить насъ со множествомъ неизвѣстныхъ еще большинству явленій. Измѣненіе системы тюремнаго заключенія также принесетъ громадную нравственную пользу тѣмъ несчастнымъ, которые теперь неизбежно являются самыми закоренѣлыми орудіями и двигателями порока и преступленія. Люди компетентные, приходящіе, по роду своихъ обязанностей, въ ближайшее соприкосновеніе съ этимъ міромъ, очень хорошо понимаютъ истину моихъ словъ, ибо знаютъ, что достаточно посидѣть въ тюрьмѣ за проступокъ какой-нибудь одинъ мѣсяць, чтобы человекъ, хотя и честный, но неимѣющій твердыхъ нравственныхъ основъ, вышелъ бы оттуда полнымъ и формально-готовымъ негодяемъ, который при первомъ удобномъ случаѣ сдѣлается уже преступникомъ. Наконецъ, справедливость требуетъ сказать, что въ послѣднее время многое уже сдѣлано относительно міра трущобъ. Старыя язвы мало-по-малу уничтожаются; въ центральной нашей трущобѣ — домѣ князя Вяземскаго, есть уже кое какая возможность для нищаго человека *жить* хоть немножко человѣческимъ образомъ.

Я считаю при этомъ первую и пріятною обязанностью принести мою благодарность лицамъ, которыя своимъ содѣйствіемъ помогли мнѣ ознакомиться съ тѣми многообразными отраслями нашей жизни, что вошли въ программу предла-

гаемого романа—лицамъ, въ слѣдственной камерѣ которыхъ я знакомился съ характеромъ и личностями преступниковъ, съ фактами преступленій, подлежащихъ юридическому разрѣшенію, и которые дали мнѣ возможность спуститься въ темный міръ трущобъ, чтобы самому, лицомъ къ лицу, узнать эту жизнь и нравы.

Къ глубокому моему сожалѣнію, романъ не выходитъ въ свѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ написалъ, и въ какомъ бы мнѣ, какъ автору, всегда хотѣлось печатать. Отъ этого нѣкоторые эпизоды являются передъ читателемъ въ крайне неполномъ и неряшливомъ видѣ, такъ что отсутствіе эстетическаго, а во многихъ мѣстахъ и просто логическаго смысла для кого не можетъ остаться незамѣченнымъ.

Я надѣялся избѣжать всѣхъ этихъ погрѣшностей въ отдѣльномъ изданіи моей книги; но надежды мои не оправдались.

Итакъ, «Петербургскія Трущобы» и нынѣ, въ отдѣльномъ изданіи, являются съ прежними пробѣлами. Прошу читателя извинить ихъ... Впрочемъ, поставя своимъ долгомъ — относиться къ печатному слову честно, я остаюсь и навсегда останусь при-глубоко неизмѣнномъ убѣжденіи, что прямое слово правды никогда не можетъ подрывать и разрушать того, что законно и истинно; а если наноситъ оно вредъ и ущербъ, то только одному злу и беззаконію. Мною же — могу сказать по совѣсти и смѣло — руководило одно лишь добросовѣстное желаніе добра и пользы. Но, какъ бы то ни было, я еще и еще разъ прошу читателя извинить не мнѣ, а этой книгѣ ея пробѣлы.

Кромѣ общаго наименованія «Петербургскія Трущобы», назвалъ еще романъ мой «книгою о сытыхъ и голодныхъ». Надѣюсь, что этимъ достаточно охарактеризовало ея содержаніе. Напрасно бы сталъ кто-нибудь въ этомъ послѣднемъ названіи выскрывать какую-нибудь затаенную мысль. Оно означаетъ почти непосредственно то, что и должно означать по самому смыслу употребленныхъ въ немъ словъ. Объяснимся. Я остаюсь совершенно чуждъ въ моей книгѣ какихъ бы то ни было сословныхъ пристрастій, симпатій и антипа-

тій. Я беру только то, что мнѣ даетъ жизнь. Вкусно под-
носимое ею блюдо — я отмѣчаю, что оно вкусно; отврати-
тельно — такъ я говорю, что отвратительно. Для меня, въ
этомъ отношеніи не существуетъ никакихъ кастъ и сосло-
вій. — Писатель-романистъ долженъ стоять внѣ кружковыхъ
пристрастій къ тому или другому. Для меня нѣтъ ни аристо-
кратовъ, ни плебеевъ, ни баръ, ни мѣщанъ, — для меня суще-
ствуютъ одни только люди — *человѣкъ* существуетъ. И этихъ лю-
дей, вмѣсто всякихъ кастъ, я дѣлю на сытыхъ и голодныхъ, по-
жалуй, надобрыхъ и злыхъ, на честныхъ и безчестныхъ и т. д.

Если книга эта заставитъ читателя призадуматься о жиз-
ни и участи петербургскаго бѣдняка и отверженной па-
ривъ — трущобной женщины; если въ средѣ нашихъ филан-
троповъ и въ средѣ административной онъ возбудитъ хотя
калѣйшее существенное вниманіе къ изображенной мною
жизни, я буду много вознагражденъ сознаніемъ того, что
трудъ мой, кромѣ развлеченія для читателя, принесъ еще и
частицу существенной пользы для той жалкой, темной сре-
ды, гдѣ голодная мать должна воровать кусокъ хлѣба для
своего голоднаго ребенка, гдѣ источникомъ существованія
двѣнадцати-тринадцатилѣтней дѣвочки является нищенство и
продажный развратъ; гдѣ голодный и оборванный бѣднякъ,
тщетно искавшій честной работы, нанимается для соверше-
нія преступленія мошенникомъ сытымъ и болѣе комфорта-
бельно обставленнымъ въ жизни, причемъ этотъ плчѣмъ по-
чтя не рискуетъ, а тотъ, за самую ничтожную цѣну, ради
требованій своего непослушнаго желудка, гибнетъ на ка-
торѣ; гдѣ, наконецъ, люди болѣютъ, страдаютъ, задыха-
ются въ недостаткѣ чистаго, свѣжаго воздуха и иногда рѣ-
шаются, если не на преступленіе, то на самоубійство, чѣмъ
ни попало и какъ ни попало, лишь бы только избавиться
отъ безнадежно-мрачнаго существованія, буде до этого край-
няго исхода не успѣютъ зачерствѣть и оскотиниться на
столько, чтобы потерять всякую способность къ какимъ бы
то ни было человѣческимъ ощущеніямъ, какъ нравственнымъ,
такъ и физическимъ, кромѣ истинныхъ голода, сна и, часто,

ненормально удовлетворяемой половой потребности. Здѣсь-то вотъ кроется наша невидимая язва, здѣсь наша горькая скорбь вавилонская, которая даже не вопіетъ о спасеніи, объ исходѣ, по причинѣ очень простой и несложной: она ихъ не знаетъ.

Быть можетъ, кто либо найдетъ, что изображеніе этихъ язвъ слишкомъ цинично и даже неблагопристойно. — Что жъ дѣлать, таковъ ужь предметъ, избранный мною. Да впрочемъ, книга вѣдь и не предназначается къ чтенію въ пансіонахъ и институтахъ для благородныхъ дѣвицъ. Въ этомъ случаѣ я могу отвѣтить только словами покойнаго Помяловскаго: «если читатель слабъ на нервы и въ литературѣ ищетъ развлеченія и элегантныхъ образовъ, то пусть онъ не читаетъ мою книгу. Докторъ изучаетъ гангрену, опредѣляетъ вкусы самыхъ мерзкихъ продуктовъ природы, живетъ среди труповъ, однако, его никто не называетъ циникомъ; страпчій входитъ во всѣ тюрьмы, видитъ преступниковъ по всѣмъ пунктамъ нравственности: отцеубійцъ, братоубійцъ, дѣтоубійцъ, воровъ, поддѣлывателей фальшивыхъ бумагъ и т. п. личностей, изучаетъ ихъ душу, проникаетъ въ самый центръ разложенія нравственности человѣческой, однако, и его никто не называетъ циникомъ, а говорятъ, что онъ служитъ человѣчеству; священникъ часто поставленъ въ необходимость выслушивать ужасающую исповѣдь людей, желающихъ примириться съ совѣстью, но и онъ не циникъ. Позвольте же и писателю принять участіе въ этой же самой работѣ и такимъ образомъ обратить вниманіе общества на ту массу разпрата, безнадежной бѣдности и невѣжества, которая накопилась въ нѣдрахъ его». Слова уважаемаго мною писателя пусть служатъ моимъ отвѣтомъ и оправданіемъ въ глазахъ читателя элегантно-слабонервнаго; если же таковой спмъ не удовлетворится, то можетъ на этихъ же страницахъ покончить чтеніе моего романа — и я, въ такомъ случаѣ, только почту своимъ долгомъ извиниться передъ нимъ въ томъ, что утруждалъ его прочтеніемъ этого нѣсколько длиннаго предисловія.

Всеволодъ Крестовскій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТАРЫЕ ГОДЫ И СТАРЫЕ ГРѢХИ

